

Алексей Морохин: Новое исследование российско-польских отношений первой половины XIX в.

Alexei Morokhin (National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): A new research of Russian-Polish relations in the first half of the 19th century

DOI: 10.31857/S2949124X24060098, EDN: RMDULA

Появление исследования, посвящённого контактам России и Польши, в дни, характеризующиеся непростыми отношениями нашей страны с государствами Европы, не может не стать заметным событием. Удачным видится и название книги: «Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в.». Её значительная часть посвящена церемонии, справедливо названной уникальным событием в истории двух стран. Раздел построен на массиве вводимых в научный оборот источников из российских и польских архивов. Представлена детальная реконструкция событий, связанных с коронацией: подробности проведения обряда, выборы регалий, конструкция ритуала.

Весьма интересны и важны наблюдения о её организации, а также поведении Николая I в польской столице. Подчёркнуто, например, что он решился на коронацию, «повинуясь долгу монарха», и «приносил в жертву собственные чувства и представления. Взамен он рассчитывал приобрести благодарность и лояльность своих польских подданных» (с. 90). При этом самодержец «совершенно не озаботился вопросом расширения православного пространства Варшавы» и согласился, хотя и с трудом, «на расширение католического сегмента коронации» (с. 99, 101). Одновременно с этим он «не вполне понимал, чего в действительности стоит ожидать от коронации, и опасался неприятия» (с. 138). Данный факт объясняет, почему в Варшаве император «испытывал серьёзные психологические сложности и часто просто прятался от публики», весьма эмоционально вёл себя во время коронации и при первой же возможности «буквально сбежал из Царства Польского в Пруссию» (с. 223, 224–225). Сама коронация, с точки зрения российского правительства, выступила «культурной церемонией, которая символически подчёркивала присоединение Царства Польского, но не представляла собой сакральное действие, сопоставимое с московским» (с. 168).

Позволю себе подробнее остановиться на нескольких сюжетах исследования.

Одним из инициаторов проведения коронации в Варшаве стал старший брат Николая, вел. кн. Константин, бывший «абсолютным представителем царя в регионе» (с. 51), именно с ним согласовывались все детали грядущего действия. В этой связи логично пристальное внимание, уделённое Болтуновой изучению взаимоотношений братьев (прежде всего она опирается на сохранившиеся фрагменты их переписки). Не возражая в целом против оценок сложных отношений братьев, которые «представляли собой постоянную конкурентную борьбу, не затихавшую ни на мгновение» (с. 60), считаю возможным отметить, что их контакты, в том числе по вопросам управления Царством Польским, невозможно рассматривать без учёта положения старшего в царской семье, которое Константин занял после смерти Александра I. Николай воспринимал его как главу семейства и публично демонстрировал особое отношение к нему.

Кн. П.В. Долгоруков, ссылаясь на Д.Н. Блудова, писал: «Николай Павлович при жизни Константина не считал себя настоящим государем, а лишь, как бы сказать, наместником законного царя Константина; во всём отдавал ему отчёт, без совета с ним не предпринимал ничего важного; приказал сообщать ему даже копии с самых секретных дипломатических бумаг, и на совет Кочубея утвердить составленные “Комитетом 6 декабря” проекты Николай отвечал: “Как же я могу сделать это без согласия брата Константина Павловича? Ведь настоящий-то, законный царь — он; а я только по его воле сижу на его месте!”»¹². В свете этого вряд ли верно мнение автора, что «по мере того, как император обретал большую уверенность, практическая необходимость публичной демонстрации чувств к старшему брату... перестала быть насущной» (с. 65).

В уточнении нуждается и ещё один момент, связанный с семейными отношениями внутри правящей династии. Современники отмечали, что отношения Николая с братом в определённой степени контролировала императрица-мать Мария Фёдоровна¹³. Неудивительно, что после её кончины в октябре 1828 г. появились слухи об оппозиционных настроениях цесаревича. Осведомители III отделения сообщали, что среди знати «прокрадываются странные толки. Говорят с боязнью, что Мария Фёдоровна унесла с собою согласие царской фамилии, что Константин Павлович повиновался государю только из уважения к ней, что он теперь совершенно отстанет от Императорского дома, что за холодностью последует разрыв, что по известной привязанности Михаила Павловича к Константину Павловичу и он отступит от государя и т.п. Никто почти не верит сим толкам и предвещениям, но крайне сокрушаются, видя их распространение. Государь имеет надобность в совершенной безусловной доверенности народа, а эти толки её ослабляют»¹⁴. В этой связи любопытно было бы выяснить отношение вдовствующей императрицы, имевшей большое влияние на сыновей, к самой идее коронации в Варшаве.

В отличие от посвящённой ей первой части книги разделы, касающиеся исторической памяти о русско-польских войнах, выглядят менее удачными. Болтунова отмечает, что формирование памяти об исторических событиях начала XVII в. «пришлось на начало XIX в.» (с. 18), но ни Смоленская война 1632–1634 гг., ни долгая война России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. в работе не отражены. Это, впрочем, может объясняться отсутствием свидетельств о восприятии названных событий россиянами в первой четверти XIX в. Частичное исключение представляет Смутное время, которому посвящён отдельный раздел (с. 404–440). Однако и здесь по неизвестным причинам проигнорирован огромный пласт сочинений об истории освободившего Москву в 1612 г. Второго ополчения, а также биографические труды о Минине и Пожарском¹⁵, в которых так или иначе затрагивались сюжеты, связанные с отношениями России и Польши. Такого рода сочинения планомерно публиковались с конца XVIII в., а в период войн с Наполеоном их поток значительно увеличился, на что специалисты уже

¹² Долгоруков П.В. Петербургские очерки. М., 1992. С. 279. См. также: Из записной книжки издателя // Русский архив. 1891. № 2. С. 333.

¹³ Фирсов Н. К биографии великого князя Константина Павловича // Древняя и новая Россия. 1880. № 6. С. 392.

¹⁴ ГА РФ, ф. 109, оп. 3а, д. 2501, л. 3–3 об.

¹⁵ Об этом см.: Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 93–102.

обратили внимание¹⁶. Представляется, что анализ этих изданий позволил бы значительно усилить авторские наблюдения о непростых отношениях.

***Любовь Мельникова: «Властитель слабый и лукавый»?
Ещё одно неверное понимание Александра I***

Liubov Melnikova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): «The ruler weak and sly»? Yet another misunderstanding of Alexander I

DOI: 10.31857/S2949124X24060102, EDN: RMBVEX

В книге Е.М. Болтуновой, посвящённой Николаю I, значительное внимание закономерно уделено Александру I, от которого главный герой её сочинения унаследовал не только российский престол, но и корону созданного им Царства Польского. Опередивший своё время император, как известно, был понят не всеми современниками и получил разные оценки в историографии. К сожалению, приходится констатировать, что данная монография в этом отношении не только не приближает к исторической истине, но делает значительный шаг назад. Сильный, дальновидный и талантливый политик предстаёт на её страницах как слабый и недалёкий правитель, руководствовавшийся в основном эмоциями и совершавший ошибку за ошибкой. Следуя избитой, но далеко не бесспорной характеристике Александра, приписываемой А.С. Пушкину («Властитель слабый и лукавый... нечаянно пригретый славой»), автор выстраивает упрощённую и даже неверную концепцию. Оставив армию в июле 1812 г., император якобы оказался не у дел, «наблюдал за событиями... издалека» (с. 258–259), «утратил... сопричастность происходящему», «был практически изолирован в отношении принятия решений, связанных с ведением военной кампании» (с. 267), а потому «не имел прямого отношения» к Отечественной войне, фактически «пропустил» её (с. 259). В связи с этим авторитет государя в русском обществе катастрофически снизился, он «не смог простить своим подданным пережитое унижение и страх» (с. 268), «глубокая обида» толкнула его «на поиск новых подданных, которые были бы безусловно лояльны» и «не помнили бы его недавнего откровенного бесчестия» (с. 269). Найдя таковых в лице поляков, он стал умиротворять бывших врагов, осыпать их всевозможными преференциями, «не считаясь ни с общественным мнением в России, ни с экономическими затратами империи на разворачивание этого проекта» (с. 269).

На самом деле в 1812 г. Александр I отнюдь не был «нечаянно пригрет славой». Ведущие исследователи наполеоновских войн (В.М. Безотосный, Д. Ливен и др.) убедительно показали, что он играл тогда вовсе не пассивную роль. Являясь верховным руководителем государства, Александр принимал все важнейшие стратегические и военно-политические решения. Назначив на пост главнокомандующего популярного в войсках М.И. Кутузова, постоянно находился в переписке с ним и с другими членами Главной квартиры. Разработал план ведения боевых действий на второй период кампании, предусматривавший окружение и уничтожение неприятеля на рубеже р. Березина по пути

---

¹⁶ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII — первой трети XIX века. М., 2001. С. 157–186.